

Русская литература поднялась до явления совершенно уникального.

Василий Розанов

Издательство

«Школьная Пресса»

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1993 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор

А.П. Фурсов, поэт,

член Союза писателей России

Chief editor

A.P. Fursov, the poet,

member of Union of writers of Russia

Редакционная коллегия

The editorial board

О.М. Александрова, кандидат педагогических наук, заведующая Центром филологического образования ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

O.M. Alexandrova, candidate of pedagogical sciences, head of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

Н.В. Беляева, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра филологического образования ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

N.V. Belyaeva, doctor of pedagogical sciences, leading researcher of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

И.П. Васильевых, научный сотрудник Центра филологического образования ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

Vasilievich I.P., researcher at the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

В.А. Воронаев, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, председатель Гоголевской комиссии Научного совета РАН

«История мировой культуры» (Москва)

V.A. Voropaev, doctor of philological sciences, Professor of Moscow state University named after M.V. Lomonosov, the Chairman of the Gogol Commission Scientific Council «History of world culture» of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Ю.Н. Гостева, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ Центра филологического образования «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

J.N. Gosteva, the candidate of pedagogical sciences, senior researcher of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

Русская словесность

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

5/2019

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

Федор Тютчев (1803–1873)

Специальный номер

«Русская литература и философия:

пути взаимодействия»,

подготовленный совместно с Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН и Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»

О специальном номере «Русская литература и философия: пути взаимодействия» 3

БОЖЕСТВЕННОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Татьяна Касаткина

Филологические практики в философском осмыслении: Комментарий в целом культуры 5

МОНУМЕНТАЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анастасия Гачева

Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев: диалог о христианстве, человеке, истории 12

ШЕДЕВРЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Юлия Анохина

Вода и влага в книге стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как важнейшие метафизические мотивы 24

ГЛУБОКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Елена Тахо-Годи

А.Ф. Лосев о диалектике тютчевского бытия 32

ХРЕСТОМАТИЯ

Алексей Лосев

Тютчев

Научная публикация текста Е.А. Тахо-Годи.

Публикуется впервые..... 40

ТОРЖЕСТВО СОЗВУЧИЙ

Ольга Шалыгина

«...Мой товарищ Протасов»

(о метасюжете русской литературы)..... 48

ИЗ МЕТОДИЧЕСКОЙ КОПИЛКИ

Светлана Серегина

«Душа грустит о небесах...»: философическая грусть

в лирике С.А. Есенина 57

ЛЕКЦИОННЫЙ ЗАЛ

Антон Филатов

Философско-эстетические принципы мифотворчества

С.М. Городецкого..... 62

ИНТЕГРАЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРЕДМЕТЫ ВУЗОВСКОГО ЦИКЛА: ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Наталья Михаленко

Философия искусства А.В. Чаянова-прозаика..... 74

Содержание (*раздел-журнал*)

«Русский язык и литература для школьников» № 5, 2019 81

Содержание электронного периодического издания

«Русская словесность» № 5, 2019 112

Адрес издательства и редакции

127254, г. Москва, а/я 62

Тел.: 8 (495) 619-52-87, 619-83-80

E-mail: aleksandr.fursoff2014@yandex.ru

Журнал зарегистрирован МПТР России,

свид. о рег. ПИ № ФС 77-33042

от 04.09.08 г.

Формат 84×108/16. Усл.-печ. л. 7,25

Изд. № 3362. Заказ

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,

428019, г. Чебоксары,

пр. И. Яковлева, д. 13

© ООО «Школьная Пресса», 2019

© «Русская словесность», 2019

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки РФ в перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования.

Журнал «Русская словесность» включен в международные базы цитирования Web of Science, Scopus, Web of Knowledge, Astrophysics, PubMed, Mathematics, Chemical Abstracts, Springer, Agris.

И.Н. Добротина, научный сотрудник ФГБНУ Центра филологического образования

«Институт стратегии развития образования РАО» (Москва)

I.N. Dobrotina, researcher of the Center

for philological education «Institute of education

development strategy of RAE» (Moscow)

О.В. Зырянов, доктор филологических наук,

профессор, заведующий кафедрой русской

литературы Уральского федерального универ-

ситета имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

O. V. Zyryanov, doctor of Philology, Professor,

head of chair of Russian literature of the Ural

Federal University named after first President

of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Н.В. Корниенко, член-корреспондент Россий-

ской академии наук, доктор филологических

наук, заведующая отделом новейшей

русской литературы и литературы русского

зарубежья Института мировой литературы

им. А.М. Горького РАН (Москва)

N.V. Kornienko, a member-correspondent

of the Russian Academy of Sciences,

doctor of philological Sciences, head of Department

of modern Russian literature and literature

of Russian abroad of the Institute of world

literature named after A.M. Gorky Russian

Academy of Sciences (Moscow)

В.В. Лепакхин, доктор филологических наук,

профессор Сегедского университета

(г. Сегед, Венгрия)

V.V. Lepakhin, Doctor of Philology, Professor

of Seged University (Seged, Hungary)

В.М. Улитин, поэт, прозаик,

член Союза писателей России (Владимир)

V.M. Ulitin, poet, prose writer,

member of writers Union of Russia (Vladimir)

И.В. Ускова, научный сотрудник ФГБНУ

Центра филологического образования

«Институт стратегии развития образования

РАО», г. Видное, Московская область

I.V. Uskova, researcher of the Center for philologi-

cal education «Institute of education develop-

ment strategy of RAE» (Vidnoe, Moscow region)

Редактор К.А. Фурсов

Editor K.A. Fursov

Номер выходит с разделом —

«Русский язык и литература

для школьников» № 5, 2019

и приложением — электронным

периодическим изданием

«Русская словесность» № 5, 2019

В номере в качестве заставок

использованы обложки

редких книг, раритетные

картины, кадры из забытых

фильмов, иллюстрации

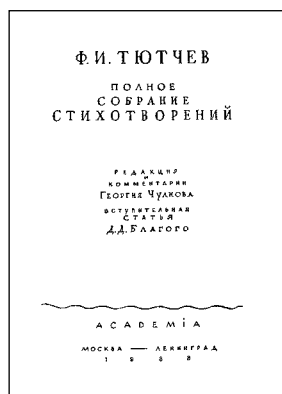
к произведениям русских писате-

лей, поэтов и философов

Издание охраняется Законом РФ об авторском праве.

Любое воспроизведение материалов, размещенных в журнале, как на бумажном носителе, так и в виде ксерокопирования, сканирования, записи в память ЭВМ, и размещение в Интернете запрещается.

Ф.И. Тютчев.
Полное собрание стихотворений.
Титульный лист (1933 г.)

Елена Тахо-Годи*

А.Ф. Лосев О ДИАЛЕКТИКЕ ТЮТЧЕВСКОГО БЫТИЯ*

В статье рассматривается вопрос об отношении великого русского философа Алексея Федоровича Лосева (1893–1988) к поэзии Ф.И. Тютчева и причины его обращения к наследию поэта в 1933 г.

The article deals with the question of the attitude of the great Russian philosopher Alexei Fedorovich Losev (1893–1988) to the poetry of F. I. Tyutchev and the reasons for his appeal to the poet's heritage in 1933.

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, Ф.И. Тютчев, Вл. Соловьев, В.Я. Брюсов, Г.И. Чулков, поэтика, диалектика, эстетика

Keywords: A.F. Losev, F.I. Tyutchev, V.I. Soloviev, V.Ya. Bryusov, G.I. Chulkov, poetics, dialectics, aesthetic

* Доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ; ведущий научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX — начала XX в. ИМЛИ РАН; заведующая отделом Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева», Москва.

** Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432) в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Публикуемые тезисы «Тютчев» написаны великим русским философом Алексеем Федоровичем Лосевым в год 130-летия со дня рождения поэта. Они вписаны зелеными чернилами в общую 48-листовую тетрадь, в которую летом 1933 г. Лосев, находящийся в исправительно-трудовом лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала, но уже получивший статус вольнонаемного, стал вносить наброски планируемых докладов (они читались другим заключенным) и будущих научных работ¹. Точной датировки тезисов мы не знаем, но, судя по предшествующим тезисам «Классификация искусств в немецкой эстетике», помеченных 15 июня 1933 г. и следующим непосредственно за выписками из Тютчева тезисам «Учение Гете о цветах»², датированным 19 июля 1933 г., размышления над тютчевским творчеством хронологически ограничиваются рамками с середины июня до середины июля 1933 г.

Как человек, проведенный в заключении три года и получивший возможность хоть в какой-то мере вернуться к научным занятиям, Лосев, в первую очередь берется за темы, ему наиболее близкие, которые его привлекали еще в доарестные времена. Отсюда его записи о немецкой эстетике³, которая была в центре его внимания в годы создания книги «Диалектика художественной формы» (1927), или о Гёте, чьи наблюдения использовались при аргументации существования мифологических представлений о цвете на страницах «Диалектики мифа» (1930), ставшей причиной ареста мыслителя. Тезисы о проблеме числа и бесконечности напоминают и о книге 1928 г. «Диалектика числа у Плотина», и о законченной уже после освобождения из лагеря работе «Диалектические основы математики» (1936).

Раздумья над поэзией Тютчевым также не являлись для Лосева совершенно новой темой. Отсылки к Тютчеву появляются уже в его юношеских дневниках и письмах. Так, в письме от 7 октября 1914 г. к Жене Гайдамович упоминание Тютчева свидетельствует о внутренней близости корреспондентки [13, 447], а выписанное 22 де-

¹ Тетрадь хранится в личном архиве А.Ф. Лосева.

² Тезисы о Гёте из этой тетради («Учение Гёте о цветах» и «Замечания о “Вертере” Гёте») подготовлены мною к печати для журнала «Вопросы философии» [11].

³ Название лагерных тезисов о немецкой эстетике напрямую перекликается с докладом «Классификация искусств в немецкой эстетике [первой половины] 19 века», читавшимся 24 марта и 26 мая 1927 г. в Философском отделении в Комиссии по изучению философии искусства (см.: [2, 201]). В «Отчет о научной работе действительного члена Г.А.Х.Н. А.Ф. Лосева за 1927–1928 академический год» (планируется к публикации в «Философском журнале» — 2019, № 3) значится подготовленная к печати работа о «Классификации искусств», текст которой до сих пор не обнаружен.

кабря 1914 г. в дневник стихотворение «Сумерки» («Тени сизые смешались...») подчеркивает собственное «мучительным ощущением жизни, точь-точь как у Тютчева» [13, 452].

Лосевское восприятие русской классической поэзии формировалось под воздействием не только гимназических и университетских преподавателей, но и прочитанных еще в старших классах гимназии литературно-критических статей Вл. Соловьева. Среди наиболее значимых для него — статьи Вл. Соловьева о Пушкине, Лермонтове, Фете, Полонском и о Тютчеве [13, 526]. Рассуждения в соловьевской статье «Поэзия Тютчева» (1895) о борьбе добра и зла, божественного и демонического начал, космоса и хаоса, о смысле самой человеческой жизни, о роли красоты и добра в деле созидания «духовного человека» не могли оставить равнодушным юного читателя.

Своему собеседнику 1960–1980-х гг., В.В. Бибахину, на прямой вопрос о любимом поэте, Лосев сразу назовет Тютчева (беседа 24 июня 1971 г. [1, 82]). Для Лосева, Тютчев вовсе не «далек от жизни» — он далек «от мечшанства» [1, 82].

Чтобы понять, что подразумевает под «жизнью» в данном случае философ, надо вспомнить его статью 1919 г. «Русская философия», где, формулируя «общие формальные особенности русской философии», автор подчеркивал свойственное ей интуитивное, мистическое познание сущего и неразрывную связь с реальной жизнью и временем, «со всеми его радостями и страданиями, со всем его порядком и хаосом» [10, 240].

По его мнению, именно «с этой “жизненностью” русской философской мысли связан тот факт, что изящная литература является колыбелью самобытной русской философии», что в русской литературе «часто обсуждаются основные философские проблемы», причем так, «что всякий непредвзятый и компетентный судья назовет эти решения не только “литературными” или “художественными”, но философскими и гениальными» [10, 240].

Среди таких писателей-мыслителей Лосев в 1919 г. называл не только Достоевского или Толстого, но и Тютчева [10, 240]. Для Лосева «философское» и «поэтическое» не разделены непроходимыми границами. И в этом также

можно увидеть влияние на него воззрений Вл. Соловьева, вполне явственно артикулированных как раз в статье «Поэзия Тютчева». «Дело поэзии, как и искусства вообще <...>, — писал Вл. Соловьев, — в том, чтобы воплощать в осязательных образах тот самый высший смысл жизни, которому философ дает определение в разумных понятиях, который проповедуется моралистом и осуществляется историческим деятелем, как идея добра. Художественному чувству непосредственно открывается в форме осязательной красоты то же совершенное содержание бытия, которое философией добывается как истины мышления, а в нравственной деятельности дает о себе знать как безусловное требование совести и долга. Это только различные стороны или сферы проявления одного и того же; между ними нельзя провести разделения, и еще менее могут они противоречить друг другу. Если вселенная имеет смысл, то двух противоречащих друг другу истин — поэтической и научной так же не может быть, как и двух исключających друг друга “высших благ” или целей существования» [15, 124].

Тютчевские тексты присутствуют в лосевских работах на протяжении всей его научной деятельности.

В «Проекте экспериментального исследования эстетического ритма», составленном 9 октября 1914 г. в ходе занятий в Психологическом институте, организованном при Московском университете профессором Г.И. Челпановым. В этом проекте Лосев-студент предлагает при проведении психологических экспериментов о восприятии ритма прочитывать участвующим в эксперименте «небольшие лирические стихотворения или прозаические отрывки из романов, повестей», в первую очередь стихотворения Фета, Тютчева и лирические отступления в романах Тургенева: «Ведь ритм есть уже там, где есть в поэтическом отрывке хоть 2–3 мысли» [7, 362–363].

В написанной в середине 1910-х гг. работе «Строение художественного мироощущения», говоря о типах мироощущения и их проявлениях в разных литературных родах — эпосе, драме и лирике, он сошлется на стихотворения Тютчева «Успокоение», «Вечер» («Как тихо веет над долиной...») как на примеры «слабой личной актуальности» [12, 310].

Для дебютной статьи 1916 г. «Эрос у Платона» Лосев выбирает эпиграф из стихотворения Тютчева «Последний катаклизм» [4, 32] и цитатой из этого же стихотворения завершает свой текст, тем самым акцентируя внимание читателя на стремлении Платона к конкретно-теургическому, т. е. богочеловеческому Эросу, к всеединству, которое не может быть достигнуто человеческими силами в земной жизни и которое возможно лишь в конце времен, «когда все и всё едино будет, когда Все зримое опять покроют воды, / И Божий лик изобразится в них» [4, 60].

Говоря о каватине царя Берендея во 2-м действии оперы Н.А. Римского-Корсакова в другой своей публикации 1916 г. — в статье «О музыкальном ощущении любви и природы», юный философ сопоставлял воссозданное композитором «подвижное, волнующееся, порою страстно вздыхающее, порою вновь успокаивающееся море тайн, окружающих нашу маленькую землю» с тютчевскими стихами «Как океан объемлет шар земной...» [12, 616].

В тезисах «Мать-Земля», относящихся к этому же раннему периоду, автор пытался обозреть мифологию и религию «Земли» от II тысячелетия до Р.Х. через Византию к Руси XV–XVI вв. и, наконец, к Тютчеву и Достоевскому [16, 60].

В прочитанном 29 марта 1921 г. в Педагогическом кружке Нижегородского государственного университета докладе «О методах религиозного воспитания» Лосев подчеркнет, что «просветительское освобождение есть затмение религиозного сознания и *беспомощное* его непонимание», что современные идеологи «гипнотически твердят о законах, правилах, нормах, о морали, прогрессе и революции», не чувствуя, что «кругом *бездна*», та самая, о которой писал Тютчев, и в подтверждении своей мысли он вновь сошлется на стихотворение «Как океан объемлет шар земной...» [7, 617].

Если атеистическое неоязычество XX столетия и может соблазнить взрослого человека, считал докладчик, то ребенку оно будет всегда чуждо, так как «ребенок должен жить среди *таинственного мира*» [7, 617]. Лосев убежден, что такое изначально присущее сознанию «благоговение перед тайной», встречаясь с личной убежденностью, не может не воспринять религиозной идеи, пронизывающей многие литературные тексты. Недаром в качестве одного из

методов религиозного воспитания он предлагает чтение художественных произведений, апеллируя к собственному опыту, когда удавалось обратиться к вере учеников через литературные тексты, в том числе через поэзию Тютчева [7, 619].

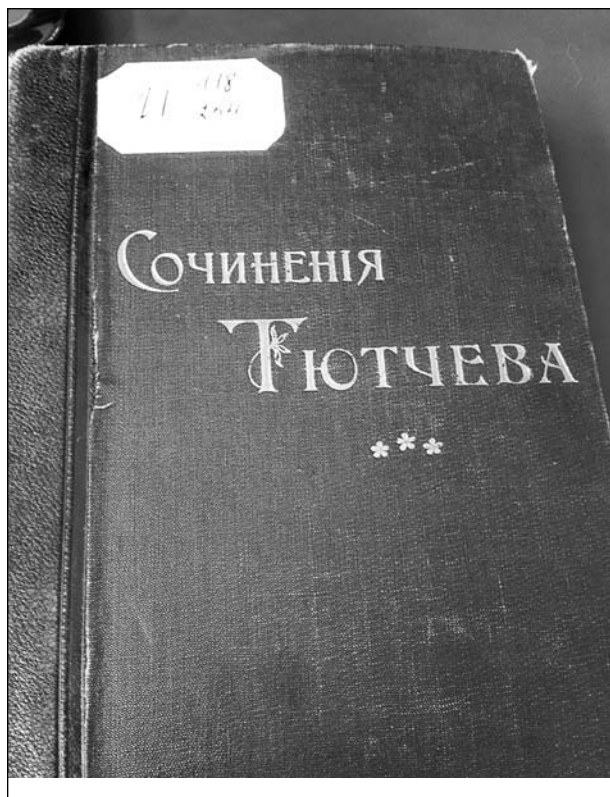
15 апреля 1924 г. Лосев участвует в обсуждении доклада своего товарища по Московскому университету П.С. Попова «Тютчев и Шеллинг», прочитанного на Пленарном заседании Философского отделения РАХН. Его суждение по этой, по словам Г.Г. Шпета, «ставшей шаблонной теме отношения Тютчева к Шеллингу» [3, 775] достаточно неожиданно. Как оказывается, для Лосева «параллель между Тютчевым и Шеллингом вовсе не характерна, так как такую же параллель можно провести между Тютчевым и любым философом-мистиком», например с Плотиним. Этот тезис он подкрепляет примерами «общих употреблений образов бездны, несказанно прошлого [,] истечения, потока, огня и т.д. у Плотина, мистиков, Р. Вагнера, Платона» [3, 775].

В 1930 г. в «Диалектике мифа», приводя примеры символической мифологии, в том числе мифологизации природных явлений, Лосев обратится к поэзии Тютчева опосредованно, излагая наблюдения о восприятии природы Пушкиным, Тютчевым и Боратынским, сделанные Андреем Белым в работе «О поэзии слова» (1922) [6, 79–82]. В 1970-е гг. предложенный Андреем Белым анализ стиля зрительного восприятия природы у Пушкина, Тютчева и Боратынского будет дополнен суждениями из дореволюционной книги В.Ф. Саводника «Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева» (1911) — Лосев сошлется на них в создававшихся параллельно книгах: «Теория художественного стиля» [11, 231–234] и «Эстетика природы: природа и ее стилевые функции у Ромена Роллана» (совместно с М.А. Тахо-Годи) [14, 31–34]. В статье «Проблема вариативного функционирования поэтического языка» (1982), говоря о символично-мифологической колористике, философ вновь ссылается на данный Андреем Белым анализ словесно-живописного изображения природы в поэзии Пушкина, Боратынского и Тютчева, а также на статью Л.В. Пумпянского «Поэзия Ф.И. Тютчева» (1928) и его рассуждения о колоризме Державина и Тютчева [11, 435].

Формулируя теорию художественного стиля как принципа конструирования всего потенциала произведения на основе первичных моделей, автор указывает на Тютчева как на «гениальный образец поэзии, основанной на модели мирового хаоса» [11, 244]. Знаково, что эта отсылка к Тютчеву дается в параграфе, где Лосев говорит о собственных исследованиях, демонстрирующих, что «основной моделью для всего античного мироощущения является видимый, слышимый, обоняемый и осязаемый космос» [11, 244]. В книге «Проблема символа и реалистическое искусство» (1976) автор будет подчеркивать, что у Тютчева само «противопоставление дня и ночи уже, несомненно, символично» [8, 159], а среди примеров «художественных символов» укажет «все стихотворение “О чем ты веешь, ветер ночной, о чем так сетуешь безумно” (Тютчев) о мировом и жизненном хаосе» [8, 160–161].

При этом поздний Лосев, отстаивая идею двух мироощущений — «классического», чуждого катастрофичности бытия, и противоположного ему «неклассического», осознающего иррациональное начало жизни, будет принципиально дистанцироваться от «классика» Пушкина и даже от Лермонтова, предпочитая «неклассического» Тютчева. В интервью В. Ерофееву он прямо скажет: «Это не Тургенев и не Пушкин. Это уже проникновение в XX век, это пророчество уже XX века...» [5, 223].

В таком контексте, обращение именно к поэзии Тютчева в условиях лагерного заключения уже представляется абсолютно закономерным, как и появление в лосевской прозе 1930-х гг., создававшейся вскоре после написания публикуемых тезисов, реминисценций из Тютчева. В романе «Женщина-мыслитель» (1933/1934) цитируется стихотворение «Проблеск» (1825), когда главный герой — философ и писатель Николай Вершинин признается, что стремился сблизиться с гениальной пианисткой Марией Радиной, потому что «хотел, по выражению Тютчева, “дышать божественным огнем”» [13, II, 24]. В повести «Метеор», писавшейся параллельно с романом с 27 ноября по 5 декабря 1933 г., мучительные раздумья о любви к пианистке Елене Дориак, о безысходном мраке жизни, о смерти и о небытии Николая Вершинина — этого сквозного персонажа лосевской

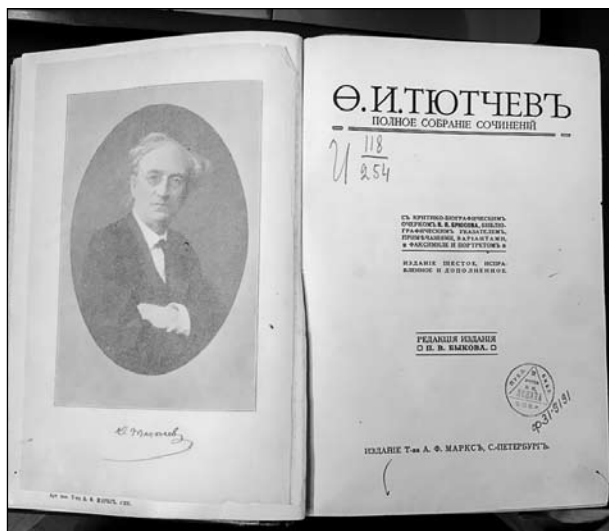

Ф.И. Тютчев. Полное собрание сочинений.
Обложка (1911 г.)

прозы, своего рода «alter-ego» автора, — подкрепляются аллюзиями на стихотворения «Брат, столько лет сопутствовавший мне...» и «Сижу задумчив и один...» [13, I, 317].

Тютчевский контекст нужен в «Метеоре» Лосеву-прозаику, прежде всего, для разработки трех ключевых тем размышлений Вершинина — одиночества, воспоминаний и смерти. Кроме того, сплав реминисценций из этих двух тютчевских текстов, подчеркивает, что в повести речь идет о хрупкости и неповторимости индивидуального бытия на фоне вечного круговорота мировой жизни, о бытии человека во времени и вечности [18, 237–240].

Вместе с тем «роковой поединок» между Еленой Дориак и Вершининым — поединок с соблазном земной любви и преодоления ее ради высшей идеальной цели — сбережения в себе «духовного человека» — прикровенно возвращает нас к статье Вл. Соловьева «Поэзия Тютчева», где отправной точкой для утверждения этой идеи стало творчество поэта, с очевидностью демонстрирующее, что «жизнь души, со-

Ф.И. Тютчев. Полное собрание сочинений.
Титульный лист (1911 г.)

средоточенная в [земной] любви, есть по основе своей *злая жизнь*» [15, 129]. Слова Соловьева: «Достоинная и вечная жизнь, которая требуется, но не дается разумом, должна быть добыта *духовным подвигом*. <...> Очевидно, я должен быть не сверхчеловеком, а только совершенным человеком, т.е. соответствующим в действительности идеалу человечности» [15, 130] — оказываются своего рода идейным стержнем сюжета повести. Не исключено, что они еще с юности ассоциативно сопряглись в лосевском сознании с именем русского поэта.

Также не исключено, что соловьевские слова о том, что «вещая душа» Тютчева не могла не понять необходимости «примкнуть к “Вождю на пути совершенства”, заменить роковое и убийственное наследие древнего хаоса духовным и животворным наследием нового человека, или Сына человеческого, — первенца из мертвых, — вот единственный исход из “злой жизни” с ее коренным раздвоением и противоречием» [15, 131], приходили на память Лосеву, когда летом 1933 г. он делал выписки из тех стихов, которые, с его точки зрения, выражали подлинно христианскую позицию поэта: «А.В. Плетневой», «День Православного Востока...», «Памяти М.К. Политковской», «Э.Ф. Тютчевой».

Хотя, в отличие от Вл. Соловьева, Лосев не касается тютчевской историософии, не разбирает воззрений поэта на судьбу России или ее взаимоотношения с Западом, но историческая

проблематика в тезисах все равно присутствует: ведь события XX столетия, особенно революция, как подчеркивает Лосев, научили мыслить с учетом исторической перспективы.

Лосевские тезисы о Тютчеве 1933 г., по неизвестным нам причинам, так и не были завершены. Очевидно, что многие пункты в них остались непрописанными, — неслучайно между выписками автор оставлял «про запас» пустые тетрадные страницы, чтобы в дальнейшем иметь возможность их дополнить. Сам рукописный текст явно распадается на две части.

В первой — теоретической части — Лосев предлагает не литературоведческий, но философско-исторический взгляд на поэзию Тютчева. Мыслитель стремится интерпретировать отношение поэта к пришедшему на смену прежнему простому и ясному миру современному социальному бытию с гипертрофированным вниманием к технике, а не человеческой или божественной личности. Он пытается определить религиозную позицию поэта в эпоху, когда Абсолют под действием «сладкой отравы субъективизма» делается страстным и музыкальным, а весь мир, порождаемый не Абсолютом, но субъектом из самого себя, оказывается «прекрасной, сладкой и грешной фикцией». Лосев хочет дать «структуру тютчевского бытия», продемонстрировать присущую его поэзии диалектику, то, как, на первый взгляд, «спокойная, ясная видимость» вдруг разрушается прорвавшимся на поверхность хаосом. Этот прорыв порождает в субъекте тоску, борьбу и неуверенность. Прежде казавшаяся гармоничной картина мира предстает теперь надрывающей душу бессмыслицей. Начинается раздвоение личности между видимым и невидимым, между «дневным» и «ночным», «прошлым» и «будущим», отчего всё — и жизнь, и любовь — теряет изначальную гармоничность и просветленность, обращается в свою противоположность — в роковую борьбу, в поединок, в «безнадежное становление». Переход от этого «безнадежного становления» к подлинному христианству, к сожалению, лишь намечается: он зафиксирован на бумажной закладке, вложенной в тетрадь с тезисами, но не в них самих.

Размышления над диалектикой тютчевского бытия теснейше связаны в лосевском сознании с его раздумьями о Гёте и Канте.

Связь с Гёте, неочевидная в тезисах о Тютчеве, выходит наружу в тезисах «Учение Гете о цветах», где прямо проводится аналогия с Тютчевым. Приходя к выводу, что для Гёте характерно ощущение бытия как «живой огненной влаги, в которой мы плывем, как в безбрежном океане», на волнах, которого «вдруг всплывают вечные и чеканные образы, как бы сделанные из того же живого подвижного огня» [11], Лосев указывает на совпадение гетевского видения с мироощущением Тютчева, приводя в подтверждение строки из стихотворения 1830 г. «Как океан объемлет шар земной...». (Примечательно, что сопоставление с Гёте проводил и Вл. Соловьев в статье о Тютчеве, говоря, что Тютчев лучше Гёте чувствовал «таинственную основу всякой жизни», присутствие хаотического, иррационального начала в глубинах бытия [15, 125]).

Пассаж о Канте в тезисах о Тютчеве вскрывает новый ракурс в унаследованном Лосевым от русских мыслителей Серебряного века неприятию кантианства: если для Вл. Эрна Кант был пророком немецкого империализма XX столетия (вспомним опубликованную в 1914 г. в журнале «Русская мысль» речь Вл. Эрна, произнесенную на публичном заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева 6 октября 1914 г. «От Канта к Крупну»), то для Лосева Кант оказывается не просто современником Французской революции, но и явлением самой революции, понимаемой как эпоха победы субъекта над Абсолютом. С такой точки зрения тютчевская позиция, несмотря на присущий поэту пантеизм, начинает выглядеть своего рода «реставрацией» — в том числе реставрацией прежних ценностей, пусть во многом и иллюзорной.

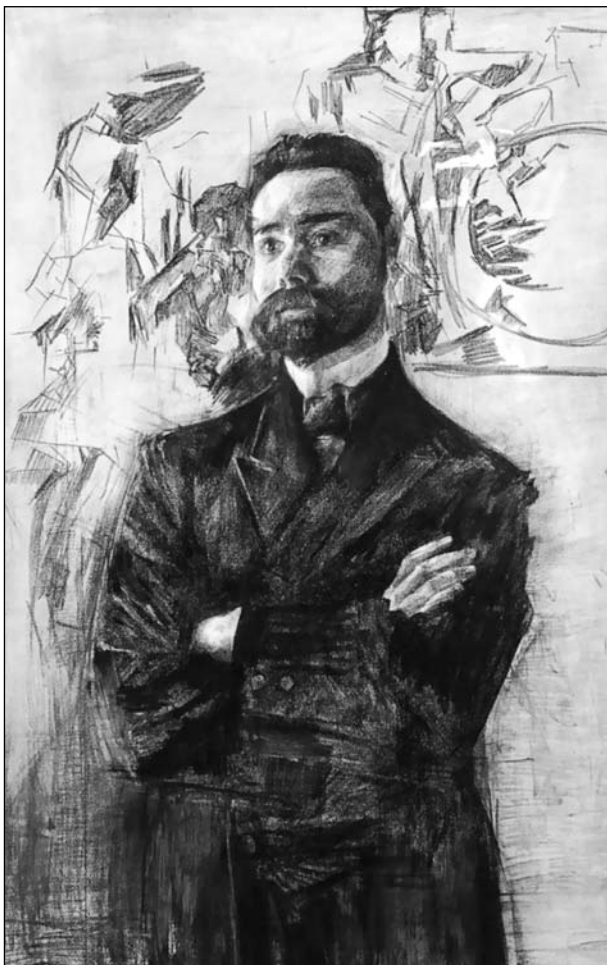
Что касается второй части лосевской рукописи, то она представляет собой выписки из стихов Тютчева (чаще всего это названия стихотворений поэта или отдельные строки из них), которые должны проиллюстрировать намеченные в пункте 6 первой части тезисов пять основных составляющих «структуры тютчевского бытия». Эти выписки ставят перед публикатором вопрос: как представлять текст — в точности по автографу, где намеченные 5 пунктов даны непоследовательно (за пунктом I и II следует вновь «Iа», потом пункт V, затем пункты

Портрет писателя Г.И. Чулкова.
Худ. З.Е. Серебрякова (1910 г.)

IV и III) или же все-таки восстановить логику, прописанную в теоретической части тезисов. Мы предпочли именно второй путь: не воспроизводить слепо текст по автографу, отдав предпочтение внутренней, смысловой логике, а не формально понятой текстологии.

При подготовке текста к печати большое значение имели авторские отсылки к цитируемым страницам. Благодаря им удалось установить те источники, которыми пользовался Лосев летом 1933 г. Это новейшее на тот момент издание стихотворений Тютчева, подготовленное поэтом Г.И. Чулковым, с которым Лосев был лично знаком со второй половины 1910-х гг. Лосев цитирует Тютчева по первому тому, подписанному в печать, как следует из выходных данных, 25 января 1933 г. [20]. Так как второй том чулковского «Полного собрания стихотворений» Ф.И. Тютчева, включавший позднюю лирику поэта, появился лишь в 1934 г., Лосев цитирует Тютчева и по дореволюционному «Полному собранию сочинений поэта» 1911 г., знакомому ему с юности, — по многократно пе-

Портрет поэта Валерия Брюсова.
Худ. М.А. Врубель (1906 г.)

реиздававшемуся в товариществе А.Ф. Маркса одностомнику, подготовленному другим видным поэтом Серебряного века — В.Я. Брюсовым совместно с поэтом и известным библиографом Петром Васильевичем Быковым [19]. Лосев лишь один раз указывает фамилию Чулкова, по изданию которого цитирует большинство текстов, но практически все выписки, сделанные по изданию Брюсова-Быкова, помечает сокращениями: «Бр.» или «Б.» (при публикации этот принцип сохранен).

Сопоставление лосевских тезисов с основными положениями, выдвигаемыми во вступительных статьях В.Я. Брюсовым и Д.Д. Благом к каждому из изданий, — еще один возможный ракурс поднятой темы. Не исключено, что сам замысел показать диалектику Тютчева возникает у Лосева как результат внутренней полемики

с рассуждениями о тютчевской диалектике в предисловии Д.Д. Благого, предвещающем чулковское издание. В этом предисловии говорилось, что «поэтическое созерцание» Тютчева выработалось «в школе немецкой идеалистической философии, главным образом Шеллинга», что обусловило в тютчевском творчестве первое в русской поэзии «диалектическое постижение действительности», однако «натурфилософская картина мира» неприемлема для современного человека, ибо ей чуждо «представление о процессах, совершающихся в мире, как о развитии, снимающем противоречия в высшем единстве» [20, 64–66].

«К поэзии Тютчева можно подходить с трех разных точек зрения: можно обратить внимание на выраженные в ней мысли, можно постараться выявить ее философское содержание, можно, наконец, остановиться на ее чисто художественных достоинствах» [19, XXXI], — писал В.Я. Брюсов еще в 1911 г. в предисловии к тютчевскому одностомнику. Из этих трех путей Лосев выбрал второй — выявление философского содержания. Он, конечно, подписался бы под брюсовским утверждением о том, что «чаще у Тютчева мысль облекается в образ, становится символом» [19, XXXII], но вряд ли полностью солидаризировался бы с брюсовским выводом: «Подлинное бытие имеет лишь природа в ее целом. Человек — лишь “греза природы”. Его жизнь, его деятельность — лишь “подвиг бесполезный”. Вот философия Тютчева, его сокровенное мирозерцание. Этим широким пантеизмом объясняется едва ли не вся его поэзия» [19, XXXIII]. В отличие от Брюсова, он не считает, что природный мир у Тютчева, в противоположность человеческому, полон только гармонии, что именно человек вносит в природу разлад и дисгармонию, что лишь растворение в природе (в духе индийской мудрости) может вернуть ему блаженное состояние, что лишь природа обладает бессмертием, что вечна лишь мировая душа, но не индивидуальное «я», что «в пантеистическом обожествлении природы Тютчев-поэт как бы теряет ту свою веру в личное Божество, которую со страстностью отстаивал он, как мыслитель» [19, XXXVII], что именно этим обусловлено тяготение Тютчева к «древнему родимому хаосу» — и в природе, и в челове-

Петр Васильевич Быков.
Фотография.

ской душе [19, XXXVIII–XXXIX].

Не ошибемся, если скажем в заключение этой вводной статьи к публикуемому материалу, что из всей русской поэзии так внимательно и объемно Лосев прорабатывал, кроме Тютчева, только другого своего любимого поэта — Вяч. Иванова [17], когда в 1940-е гг., в не менее тяжкий жизненный период — в начале Отечественной войны, взялся за создание собственных двух поэтических циклов [13, II, 501–520], в которых вполне ощутимо и тютчевское начало.

Литература

1. Биbihин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. 2-е изд. — М.: Ин-т философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. — 415 с.
2. Дунаев А.Г. Лосев и ГАХН // А.Ф. Лосев и культура XX века: Лосевские чтения. — М.: Наука, 1991. — С. 197–220.
3. Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов / Под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской, при участии Ю.Н. Якименко. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — Т. 2: Публикации. — 928 с.
4. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос / Сост. А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1993. — 958 с.

5. Лосев А.Ф. В поисках смысла / беседу вел В. Ерофеев // Вопросы литературы. — 1985. — № 10. — С. 205–231.

6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» / Общ. ред. А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого; вступ. ст. А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 2001. — 559 с.

7. Лосев А.Ф. На рубеже эпох. Работы 1910-х — начала 1920-х годов / Общ. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий. — М.: Прогресс-Традиция, 2015. — 1088 с.

8. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / Сост., подгот. текста А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого; вступ. ст. А.А. Тахо-Годи. — М.: Русский мир, 2014. — 735 с.

9. Лосев А.Ф. Русская философия / пер. с нем. В. Янцена // Тахо-Годи Е.А. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. — М.: Модест Колеров, 2014. — С. 233–272.

10. Лосев А.Ф. Учение Гете о цветах. Замечания о «Вертере» Гете / Научная подготовка текста Е.А. Тахо-Годи // Вопросы философии. — 2019. — № 9.

11. Лосев А.Ф. Учение о стиле / Общ. ред и сост. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи; вст.ст. К.В. Зенкина. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 456 с.

12. Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1995. — 944 с.

13. Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...»: в 2 т. — М.: Время, 2002.

14. Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А. Эстетика природы: природа и ее стилевые функции у Романа Роллана. — М.: Наука, 2006. — 419 с.

15. Соловьев Вл. Поэзия Тютчева // Соловьев Вл. Собрание сочинений: в 10 т. / Под ред. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. 2-е изд. — СПб., [б.г.]. — Т. 7. — С. 117–134.

16. Тахо-Годи А.А. Лосев, 2-е изд., испр. и доп. — М.: Молодая гвардия, 2007 — 532 с. (Сер. «Жизнь замечательных людей»).

17. Тахо-Годи Е.А. Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев (некоторые факты и материалы) // Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев: От писем к прозе: От Пушкина до Пастернака. — М.: Диалог-МГУ, 1999. — С. 179–202.

18. Тахо-Годи Е.А. Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. — М.: Большая российская энциклопедия, 2007. — 399 с.

19. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. / С крит.-биограф. очерком В.Я. Брюсова «Ф.И. Тютчев». Под ред. П.В. Быкова. 6-е изд., испр и доп. — СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, [1911]. — 694 с.

20. Тютчев Ф.И. Полн. собр. стихотворений / Ред. и комментарии Г. Чулкова; вст. ст. Д.Д. Благого. — М.; Л.: Academia, 1933. — 403 с.